

Цин Дай проснулась от череды громоподобных звуков.

Поскольку она жила на высоком этаже, из окон был виден лишь горизонт и крыши соседних домов. Шторы были раздвинуты, и в комнате стоял яркий дневной свет. Было ли это утро или уже полдень — неважно, ведь наступили выходные, и она собиралась выспаться вдоволь.

Цин Дай не обратила внимания на шум за дверью. Мало ли что там происходит: может, кто-то затеял ремонт или еще что. Главное, что стучат не в ее дверь. В этом приморском городе, где живут одни лишь приезжие работяги, о соседских отношениях не приходилось даже мечтать.

Однако в животе предательски заурчало.

Поворочавшись, она все же решила встать и перекусить. Но стоило ей выйти из спальни, как пришло недоброе предчувствие.

Грохот за дверью не утихал, а в воздухе разливалось зловоние.

Она заглянула в другие комнаты — двери были заперты. Девушки, с которыми она снимала квартиру, разъехались: кто в командировку, кто домой. В квартире было пусто.

Смрад, казалось, просачивался снаружи.

В этом городе воздух обычно был свежим, лишь в обеденное время наполняясь аппетитными ароматами еды. Сейчас же вонь была такой густой, словно кто-то вскрыл выгребную яму.

Цин Дай, шаркая ногами, подошла к балкону. Она не ожидала увидеть ничего особенного, но стоило бросить взгляд вниз, как она остолбенела.

Двор жилого комплекса, где обычно были лишь клумбы да парковка, теперь был залит кровью. Несколько неестественно дергающихся фигур бродили по территории, словно что-то выискивая.

Не успела она присмотреться, как фигуры, словно что-то учуяв, дружно подняли головы и посмотрели прямо на нее.

Шестой этаж — высота небольшая, обе стороны прекрасно видели друг друга.

Цин Дай затаила дыхание. Существа внизу были явно не живыми — это были те самые зомби из фильмов: бледные, разлагающиеся, источающие холодное дыхание смерти.

Под этим пристальным взглядом Цин Дай попятилась и шаг за шагом отступила в гостиную.

Обессиленно опустившись на диван, она не знала, что делать. Зловоние, пропитавшее все вокруг, исходило от этих тварей, и их было так много, что запах стал невыносимым.

Она больно ущипнула себя за руку. Это был не сон — реальность была пугающе осязаемой.

Просидев в оцепенении неизвестно сколько времени, Цин Дай потянулась к телефону, но обнаружила, что он разряжен. В квартире не было электричества.

Что-то здесь было не так. Как за один день все могло измениться до неузнаваемости? Кровавые пятна, трупный смрад, телефон, который должен был держать заряд еще несколько дней, отключение электричества без всякого землетрясения — такие перемены не происходят за сутки.

Цин Дай бросилась в комнату и откопала старую кнопочную «Нокию».

Этот телефон давно списали в утиль, но из-за громкого звонка и долгой работы аккумулятора она держала его как запасной будильник. Он всегда лежал в тумбочке выключенным.

Раздалась знакомая мелодия загрузки. На экране высветилось: 14:20.

Когда она ложилась спать, было восемь дней назад.

Значит, она проспала целую неделю.

Семь дней. Бог за семь дней сотворил мир. А за семь дней мир Цин Дай превратился в руины.

Она сидела в пространии, сжимая в руках светящийся телефон, словно пытаясь удержать ускользающее время мирной жизни.

Грохот за дверью стих.

Цин Дай почувствовала, как живот свело от голода. Даже если мир рухнул, еда оставалась вопросом номер один.

Она нетвердой походкой дошла до кухни. Холодильник не работал. В мае в приморском городе жарко, почти как в начале лета, так что все продукты испортились. Воды нет, света нет, газа нет.

Все привычные ресурсы иссякли.

Цин Дай смотрела на запасы закусок, лапши быстрого приготовления и напитков, которые она

накупила, сидя дома. Не зная, благодарить ли теперь продавцов с Таобао за бесконечные скидки, из-за которых она набрала кучу всего, она понимала: теперь это ее единственный шанс выжить.

Перекусив на скорую руку, она удивилась, как вообще не умерла от голода за неделю. Казалось, она проспала всего день. Еда не лезла в горло из-за вони.

Отсутствие электричества означало, что компьютер, интернет и телефонная связь мертвы.

Цин Дай размышляла, что делать дальше. Главное — найти способ выбраться, пока не закончилась еда.

За дверью монстры. Она уже догадалась, что именно они устраивали тот грохот.

О повадках зомби, кроме того, что они едят людей, она знала лишь из фильмов. Неважно, правдивы они или нет, реальность была куда страшнее. Следы крови за дверью говорили сами за себя.

Но Цин Дай не была слабаком. Первый шаг — принять реальность. Чтобы решить проблему, нужна информация, а для информации нужен риск.

Как выжить, рискуя — вот о чем она думала.

На кухне из оружия была только кухонная утварь. Как и у любой девушки, живущей на съемной квартире, готовка была делом второстепенным, и кухонный нож был единственным подходящим вариантом.

Но Цин Дай понимала, что с ее офисной подготовкой в ближнем бою с ножом ей делать нечего.

В итоге она взяла швабру, стоявшую у стиральной машины.

Деревянная ручка была прочнее пластиковой, а длина давала хоть какое-то чувство безопасности.

Оторвав тряпку, она взмахнула палкой. Странно, но она почувствовала некое подобие уверенности. Жаль только, что комната была слишком тесной, а она — не мастер боевых искусств.

Тем не менее, с оружием в руках стало чуточку легче.

На входной двери был глазок. Собравшись с духом, она прильнула к нему.

Внешняя решетчатая дверь была выломана. На пороге валялась чья-то оторванная нога...

Цин Дай похолодела.

Смерть — это удар, к которому обычный человек не готов.

В дверном проеме показалось массивное, скованное трупным окоченением тело.

Она узнала соседа — мужчину, про которого соседка говорила, что он души не чает в своей семье. Сейчас его бледное лицо было безжизненным, в остекленевших глазах застыла скорбь, а во рту он сжимал отрезанный детский пальчик.

Похоже, это был его ребенок...

Цин Дай сжала палку до побелевших костяшек, заставляя себя смотреть. Если не можешь смотреть в лицо правде, победа невозможна.

Возможно, двойная дверь больше не могла сдерживать запах живого человека, и монстр наконец повернулся в ее сторону.

Шаг, еще шаг. Он приближался.

Цин Дай больше не могла этого выносить.

Это пустое, искаженное лицо... Она молилась, чтобы это был лишь кошмар.

Но нет. Даже если это кошмар, он только начинается.

Она отпрянула от глазка, прижала к себе палку и сползла на пол, дрожа всем телом.

Что делать? Она спрашивала себя снова и снова. Ужас лишил ее остатков смелости.

Если она не выйдет, то либо сойдет с ума, либо умрет от голода, либо дверь взломают, и она станет жертвой нежити.

Она этого не хотела. Она была еще молода, ее жизнь только начиналась.

Слезы катились по щекам. Цин Дай беззвучно плакала.

Даже в самый страшный момент нельзя кричать. Это и есть конец света.

Ладони стали влажными — слезы стекали по палке прямо в руки.

Смеркалось. Было около шести вечера.

Ни света, ни неоновых вывесок — мир погрузился в первобытную тьму.

Солнце скрылось, унося с собой дневное тепло. Ветер с моря разогнал зловоние, и дышать стало легче.

В обычный день Цин Дай обязательно выложила бы в соцсети фото этого прекрасного вечера.

Но сейчас, глядя на багровое небо, она чувствовала, как ее сердце погружается в такую же бездонную тьму.

Диван был старым — мебель в съемных квартирах всегда была такой. Телевизор — антиквариат, кожа на диване потерлась, и даже красивые накидки не могли скрыть его ветхость. Но девушки набросали на него кучу подушек, чтобы было уютнее.

Цин Дай обняла свою любимую розовую подушку-свинку и, обессиленная, провалилась в сон.

<http://bllate.org/book/18704/1807725>